

Воспоминанія объ отцѣ Іоаннѣ Кронштадтскомъ.

Въ 1890 — 1892 г. я жилъ въ Петербургѣ. Въ это время извѣстность отца Іоанна Сергіева Кронштадтскаго была уже въ полной силѣ. Многіе изъ близкихъ мнѣ людей ѣздили въ Кронштадтъ молиться, въ Андреевскомъ соборѣ, во время богослуженія, совершаемаго отцомъ Іоанномъ, а послѣ окончанія церковной службы изыскивали возможность получить благословеніе.

Они рассказывали, какъ трудно достигъ этого, и какъ тамъ молящіеся окружаютъ его постоянно. Глубоко уважая отца Іоанна по всему, что я слыхалъ и читалъ о немъ, я по семейнымъ и служебнымъ обстоятельствамъ никакъ не могъ собраться съѣздить въ Кронштадтъ получить благословеніе отца Іоанна. Въ числѣ моихъ хорошихъ знакомыхъ было семейство Коровиныхъ, скромное, богобоязное со средними финансами къ жизни. Въ одно изъ моихъ посѣщеній къ нимъ, у насъ зашелъ разговоръ объ удивительной силѣ молитвы отца Іоанна, и семейство Коровиныхъ рассказало, что оно испытало на себѣ чудодѣйственную силу его молитвы. Въ семействѣ этомъ была бѣда, не помню достаточно точно подробности ея, а потому не стану пересказывать ее, во избѣжаніе ошибки.

Въ горѣ и отчаяніи, отецъ этой семьи обратился къ отцу Іоанну съ просьбою: помолиться за него и испросить у Господа милости для него. Отецъ Іоаннъ внимательно выслушалъ его, усердно помолился и отпустилъ его, благословя, при чемъ обѣщавъ при первой поѣздкѣ въ Петербургъ навѣстить Коровиныхъ, и еще вмѣстѣ съ ними помолиться. По возвращеніи домой Коровинъ услышалъ ободряющія вѣсти, черезъ нѣсколько дней горе само-собою устранилось.

Отець Іоаннъ сдержалъ свое обѣщаніе, пріѣхалъ къ Коровину; какъ нѣчто извѣстное ему, выслушалъ извѣстіе объ успокоеніи Коровиныхъ и сказавъ: „теперь поблагодаримъ Бога за его милость“, усердно, продолжительно молился со всею семьєю и утѣшалъ ихъ.

Съ тѣхъ поръ Коровинъ ежегодно просилъ отца Іоанна, въ день годовщины этого счастливаго событія, навѣщать его и снова поблагодарить сообща Господа за Его милость.

Коровинъ сказалъ мнѣ, что приближается день этой годовщины, и что онъ уже писалъ о этомъ отцу Іоанну и просилъ его навѣстить ихъ, и что онъ назначилъ день и часъ, когда будетъ у Коровиныхъ.

Зная мои религіозныя убѣжденія и мое глубокое уваженіе къ отцу Іоанну, Коровинъ предложилъ мнѣ навѣстить его въ указанное время и участвовать въ ихъ общей молитвѣ. Я съ благодарностью принялъ это предложеніе. Къ моему большому огорченію, въ назначенный день Коровинъ извѣстилъ меня, что обстоятельства заставили отца Іоанна отложить свой пріѣздъ на нѣсколько дней, и что онъ извѣститъ меня, когда именно отецъ Іоаннъ будетъ у него. Къ большому моему огорченію, свиданіе это не удалось.

Отець Іоаннъ пріѣхалъ къ Коровину неожиданно, такъ что тотъ не могъ вызвать меня. Онъ сообщилъ однако отцу Іоанну о моемъ желаніи испросить благословеніе. Коровинъ, вѣроятно, высказалъ ему что-либо доброе обо мнѣ, такъ какъ отецъ Іоаннъ выразилъ сожалѣніе, что не можетъ сейчасъ удовлетворить мою просьбу, обѣщавъ сдѣлать это при удобномъ случаѣ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого, я по службѣ былъ перемѣщенъ въ Гродно, гдѣ и живу до сихъ поръ. Такъ мнѣ и не пришлось увидѣть отца Іоанна въ Петербургѣ.

Въ сентябрѣ 1900 года, я тяжело заболѣлъ. Постояннымъ врачомъ моимъ былъ Яковлевъ. Болѣзнь разыгралась такъ, что врачи не могли ее одолѣть. Яковлевъ былъ искусный врачъ, прилагавшій всѣ усилія для облегченія болѣзни. Послѣ трехъ мѣсяцевъ отчаянныхъ страданій, я совершенно ослабѣлъ. При сильномъ упадкѣ моихъ силъ онъ пригласилъ на консиліумъ старшаго врача Гродненской окружной больницы Н. Д. Беклемишева. Онъ выслушалъ меня и призналъ мое положеніе настолько опаснымъ, что счелъ нужнымъ предупредить мою жену о грозящей мнѣ опасности и смерти. Мнѣ конечно ничего не сказали объ этомъ. Я былъ очень слабъ, но сознанія не терялъ ни на мгновеніе, а потому самъ сознавалъ опасное положеніе и близость смерти. На другой день послѣ консиліума, я счелъ нужнымъ высказать своей женѣ, что я чувствую приближеніе смерти. Горе и отчаяніе ея были велики.

На другое утро я пожелалъ причаститься Святыхъ Тайнъ. Жена потребовала новаго созыва консиліума. Собрались тѣ же лица и опредѣлили, что наканунѣ положеніе мое было очень опасное, а теперь же оно безнадежно.

Несмотря на горе свое, жена моя не растерялась, усердно молилась, и Господь внушилъ ей обратиться къ отцу Іоанну. Она написала телеграмму, въ которой сказала: умираетъ отецъ большой семьи, оставляетъ 6 человѣкъ дѣтей и жену. Семья въ горѣ и проситъ отца Іоанна помолиться вмѣстѣ съ нею о сохраненіи жизни отцу семьи, вѣрующему христіанину. Ночь послѣ причащенія и отправки телеграммы отцу Іоанну жена провела подлѣ меня; я лежалъ почти безъ сознанія и силъ. Я сознавалъ, что жизнь въ нижней части тѣла моего исчезаетъ, я не могъ пошевелинуть ногами и не чувствовалъ прикосновенія къ нимъ рукъ ухаживающихъ за мною. Это онѣмѣніе органовъ постепенно поднималось выше и, казалось, достигло желудка, такъ какъ я не чувствовалъ боли въ желудкѣ; подъ утро моя жена, измученная, принуждена была оставить меня на попеченіи другихъ и просила меня заснуть. Я лежалъ молча, безъ движенія, но не терялъ сознанія. Утромъ домъ сталъ оживляться. Первою пришла ко мнѣ жена, тревожно всматриваясь въ меня и задавая себѣ вопросъ, живъ ли я. Я сдѣлалъ усиліе и протянулъ ей руку, и только тогда она убѣдилась, что я живъ.

Въ 9 часовъ утра пришелъ фельдшеръ, который приходилъ два раза, утромъ и вечеромъ, и, не войдя ко мнѣ, осторожно справился у прислуги: живъ ли я. Получивъ благопріятный отвѣтъ, онъ недовѣрчиво вошелъ ко мнѣ, осмотрѣлъ меня удивленно, и ушелъ.

Впослѣдствіи онъ рассказывалъ, что докторъ Яковлевъ, лѣчившій меня, признавалъ мое положеніе до такой степени безнадежнымъ, что не рѣшился идти ко мнѣ, не удостовѣрившись, что я живъ. Онъ приказалъ фельдшеру сходить освѣдомиться о моемъ здоровьи и тотчасъ вернуться съ извѣстіемъ. Узнавъ, что я живъ, онъ немедленно явился ко мнѣ самъ, сталъ внимательно осматривать меня; окончивъ, онъ ушелъ въ другую комнату съ моею женою и сказалъ: удивительно сильная у Николая Ксенофоновича натура, я не надѣялся застать его живымъ. Поразительнѣе всего то, что положеніе не ухудшилось, а наоборотъ улучшилось. Будемъ продолжать лѣчить.

Придя ко мнѣ по обыкновенію, въ тотъ же день вечеромъ, онъ сталъ пробовать мой желудокъ, ноги и спросилъ: чувствую ли я его прикосновеніе; я отвѣтилъ, что чувствую. Онъ удивленно покачалъ головой и, удалившись въ другую комнату, сказалъ моей женѣ: „представьте себѣ, есть улучшеніе. Организмъ

оживаетъ!" Такъ шагъ за шагомъ, почти незамѣтно, болѣзнь стала уступать, и я началъ оправляться. Докторъ Яковлевъ говорилъ, что ничему не приписываетъ мое излѣченіе. Послѣдній консилиумъ, признавшій мое положеніе безнадежнымъ, рѣшилъ, что всѣ средства для моего излѣченія употреблены, ничего новаго предпринимать не надо, это бесполезно. Въ виду этого Яковлевъ предложилъ, для успокоенія семьи моей, давать мнѣ тѣ лекарства, которыя были прописаны раньше и казались недѣйствительными. Яковлевъ говорилъ, что я обязанъ своимъ выздоровленіемъ исключительно своему сильному организму.

Мы съ женой были другого убѣжденія. Мы вѣрили, что улучшение моей болѣзни произошло послѣ молитвы отца Іоанна.

Выздоровленіе мое шло медленно, къ веснѣ я оправился настолько, что могъ уѣхать въ деревню, гдѣ и провелъ лѣто и окрѣпъ совершенно. Возвратившись въ городъ и чувствуя себя достаточно крѣпкимъ, я мечталъ съѣздить въ Петербургъ, навѣстить отца Іоанна въ Кронштадтѣ и высказать ему прямо свою благодарность. Слабость силъ моихъ и семейныя обстоятельства не допустили меня исполнить это искреннее мое желаніе.

Слѣдующею весною, если не ошибаюсь, въ апрѣлѣ 1901 года, настоятель Софійскаго собора въ Гроднѣ протоіерей Кургановичъ сказалъ мнѣ, что отецъ Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ на другой день пріѣдетъ въ Гродно.

Въ этотъ день отецъ Іоаннъ ежегодно ѣздилъ въ православный женскій монастырь, около станціи Сопацкаго въ 20 верстахъ отъ Гродны, и служилъ тамъ обѣдню.

Настоятельница монастыря просила протоіерея Кургановича встрѣтить отца Іоанна на станціи желѣзной дороги, посадить въ присланный ею экипажъ, сопровождать его до монастыря и чествовать. Она также просила протоіерея Кургановича отслужить вмѣстѣ съ отцомъ Іоанномъ службу.

Услышавъ это извѣстіе, я тотчасъ попросилъ протоіерея Кургановича доставить мнѣ возможность видѣть отца Іоанна, чтобы высказать ему свою благодарность за его молитвы и справедливость, а также испросить у него благословеніе. Кургановичъ обѣщаль исполнить мое желаніе.

На другой день городъ Гродно былъ въ волненіи: извѣстіе о пріѣздѣ отца Іоанна быстро распространилось по городу. Утромъ поѣздъ изъ Петербурга не пришелъ, по какой-то неизвѣстной причинѣ, отецъ Іоаннъ пріѣхалъ съ какимъ-то другимъ поѣздомъ около 8 часовъ вечера, тотчасъ перешелъ въ экипажъ настоятельницы и уѣхалъ въ ея монастырь. Время пріѣзда его нельзя было

узнать, а потому его никто не видалъ. Когда онъ отправится обратно въ Петербургъ, также было неизвѣстно; предполагали, что съ поѣздомъ въ 5 часовъ дня.

Вскорѣ разнеслась вѣсть, что отецъ Іоаннъ ѣдетъ въ Гродно, мы съ женой, около 3 часовъ, поѣхали на вокзалъ и стали ожидать прихода поѣзда.

Скоро разнеслась вѣсть, что протоіерей Кургановичъ вернулся изъ монастыря, и что отецъ Іоаннъ слѣдуетъ за нимъ и будетъ пить чай у него. Жена Кургановича была давно уже больна; при посѣщеніи дома Кургановичей отцомъ Іоанномъ, всѣ тотчасъ изъявили желаніе, чтобы отецъ Іоаннъ благословилъ больную.

Вотъ что разказалъ мнѣ впослѣдствіи самъ Кургановичъ. Когда отецъ Іоаннъ ѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ коляскѣ, то тотъ спрашивалъ его о семейной жизни. Кургановичъ высказалъ ему свое огорченіе о продолжительной, затянувшейся болѣзни жены и мгновенно рѣшилъ на обратномъ пути просить отца Іоанна захватить къ нему и благословить его жену.

По окончаніи богослуженія отецъ Іоаннъ обратился къ Кургановичу и сказалъ: я не могу отказаться отъ гостепріимства и у игуменства, но я останусь въ монастырѣ не долго, а потомъ къ тебѣ отдохнуть.

Такимъ образомъ желаніе Кургановича, видѣть отца Іоанна у себя въ домѣ, исполнилось безъ его просьбы. Онъ поблагодарилъ отца Іоанна и попросилъ у него позволеніе тотчасъ уѣхать домой предупредить больную жену о неожиданномъ счастіи. Отецъ Іоаннъ благословилъ его и отпустилъ. Не прошло и полчаса по пріѣздѣ Кургановича домой, какъ подъѣхалъ отецъ Іоаннъ. Благословивъ встрѣтившую его семью, онъ спросилъ у Кургановича: а гдѣ же супруга его? Тотъ отвѣчалъ, что она лежитъ въ постелѣ, и что она не можетъ встать, чтобы встрѣтить его. „Такъ ведите меня къ ней!“ сказалъ отецъ Іоаннъ, пришелъ въ комнату больной, благословилъ ее, утѣшилъ, помолился съ ней и сказалъ: „вставайте! приходите къ намъ—будемъ вмѣстѣ пить чай“. Больная безсознательно повиновалась требованію его, съ усиліемъ поднялась, одѣлась и пошла въ гостиную, гдѣ сидѣлъ отецъ Іоаннъ. Тотъ привѣтствовалъ ее, усадилъ подлѣ себя и потребовалъ, чтобы она вмѣстѣ съ ними напилась чаю; безмолвно повинуясь волѣ отца Іоанна, она выпила немного чаю; отецъ Іоаннъ подбадривалъ ее и заставилъ выпить ее вторую чашку. Она безсознательно, понемногу выпила все это. Наконецъ, отецъ Іоаннъ всталъ и началъ прощаться съ хозяевами. Благослова больную, онъ сказалъ ей: не унывайте, Богъ милостивъ, выздоравливайте! Протоіерей Кургано-

вичъ проводилъ отца Іоанна на вокзалъ, гдѣ образовалась вокругъ отца Іоанна многотысячная толпа.

Какъ только онъ вышелъ изъ коляски, ожидавшіе окружили его, испрашивая благословенія. Онъ терпѣливо исполнялъ ихъ просьбу, но при этомъ говорилъ: „помилуйте, пропустите меня къ моему вагону“. Болѣе благоразумные люди стали раздвигать толпу, онъ постепенно подвигался къ вагону. Къ моему счастью мы съ женой стояли на его пути, онъ прошелъ подлѣ насъ, мы подошли подъ благословеніе. Вѣроятно онъ замѣтилъ мое искреннее благоговѣніе къ нему: онъ, благословляя меня, приостановился, молча внимательно всмотрѣлся въ мое лицо, кивнулъ мнѣ головою и молча пошелъ дальше. Дойдя до вагона, онъ вошелъ въ него. Въ вагонѣ находились лица, сопровождавшія его въ пути; вагонъ тотчасъ заперли, но отецъ Іоаннъ минутъ черезъ пять подошелъ къ окошку, спустилъ стекла и сталъ опять благословлять стоявшихъ у окна. Снисходительно нагибался онъ, многимъ клалъ руку на голову, другихъ только благословлялъ и все время твердилъ: „да благословитъ васъ Господь, молитесь Его“. Къ всеобщему ужасу, обратясь къ двумъ женщинамъ, добивавшимся его благословенія, онъ не далъ имъ его и строгимъ голосомъ сказалъ: „молитесь, много молитесь!“ и тотчасъ обратился къ другимъ, продолжая благословлять. Кто были эти несчастныя, не знаю. Онѣ въ ужасѣ со слезами отошли отъ окна и скрылись въ толпѣ. Это продолжалось съ часъ до самаго отхода поѣзда, и все-таки, кажется, не всѣмъ удалось получить благословеніе. Когда поѣздъ тронулся, онъ стоялъ у окна, все еще благословляя стоявшихъ, нѣсколько разъ перекрестилъ стоявшихъ, какъ бы молясь за нихъ.

Мнѣ не пришлось болѣе никогда видѣть отца Іоанна, но зрѣлище пріѣзда его въ Гродно произвело на меня неизгладимое впечатлѣніе, еще болѣе усилило мое уваженіе къ нему и вѣру въ его чудодѣйственную силу, любви къ людямъ и въ его предстательство предъ Господомъ. Глядя на эту тысячную толпу, съ благоговѣніемъ обращающую свои взоры на него, съ такою вѣрою искавшую прикосновенія къ его рукѣ, его благословенія невольно думалось: неуживительно, что я, обязанный жизнью, съ молитвою, вѣрою и любовью смотрю на него, но что же влечетъ всѣхъ этихъ людей къ нему, неужели и они испытали силу его молитвы?

Отецъ Іоаннъ былъ рѣдкій психологъ. Вглядываясь въ лица окружающихъ его людей, онъ ясно видѣлъ ихъ страданія, онъ понималъ, сколько умоляющихъ взглядовъ устремлено на него; благословляя, онъ клалъ руку на плечо или голову, и показывалъ этимъ, что онъ понимаетъ горе и хочетъ помочь.

Именно это безмолвіе, вдумчивый, ласковый взглядъ отца Іоанна возбуждаетъ вѣру во всѣхъ окружающихъ его. Простота въ обращеніи его была удивительна. Онъ никогда не разыгрывалъ какой-либо важной роли. Онъ не любилъ торжественныхъ службъ, отдѣлялся, какъ бы мимо ходилъ, между прочимъ. Не для увеличенія славы отца Іоанна я рассказалъ все изложенное мною. Основное побужденіе, мое чувство благодарности, желаніе рассказать другимъ, сколько утѣшенія, сколько чистой духовной радости сѣялъ онъ вокругъ себя. Онъ, не зная меня, молился за меня, безъ просьбы былъ у Кургановича, утѣшалъ, ободрялъ его, исцѣлилъ его жену и усталый посвятилъ нѣсколько часовъ на утѣшеніе неизвѣстной ему толпы. Вотъ почему людямъ дорога его память, вотъ почему до сихъ поръ къ нему обращаются труждающіеся и обремененные и вѣрятъ, что въ загробной жизни онъ любитъ человѣчество, готовъ помочь ему.

Сообщ. В. Полевая.

